

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 146–155, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-146-155
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Turkic Elements in the Floral Vocabulary of the Kalmyk Language

Victoria V. Kukanova¹, Valery M. Trofimov²

¹ Ph. D. of Philology, Head of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.ru

² the Third Year Student of Foreign Philology Department at Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation). E-mail: menke_menke@mail.ru

Abstract

On the material of the Kalmyk language with reference to the Khalkha Mongolian, the Buryat languages and old Mongolian script, the article considers a thematic group of floral vocabulary to identify the Turkic-Mongolian parallels. The names of trees and shrubs both wild and cultivated, the names of melons and gourds as well as truck crops, cereals and herbs were taken for the analysis. To prove the fact that the Turkic parallel was of the Turkic nature, the authors referred to the Ancient Turkic Dictionary and the dictionaries of the Kazakh, Nogai, Bashkir languages (the languages of Kalmyks' nearest neighbors who had contacted with them). In addition to the comparative material from the Mongolian and Turkic languages these terms were also accompanied by comparative-historical as well as etymological analyses which revealed the Turkic origin of the Turkic Mongolian parallels in the composition of the floral vocabulary of the Kalmyk language. Some of the given terms, as it was revealed, along with the Kalmyk language, exist also in the Khalkha Mongolian and Buryat languages and were even recorded in the old Mongolian script. It suggests that these terms have been stored in the Kalmyk language since the time of the ancestors of Kalmyks — Oirats, who lived in the steppes of Central Asia with the Mongols and had contact with the ancient Turks, from whom they borrowed the terms. Many of the floristic terms are presented only in the Kalmyk language and coincide with those of the Kazakh, Nogai, Tatar and Bashkir languages, which had been borrowed by the Kalmyks from these languages as a result of later contacts.

Keywords: the Kalmyk language, Mongolian languages, ancient Turkic language, the Kazakh language, the Nogai language, the Tartar language, the Bashkir language, language contacts, borrowings, floral vocabulary.

Калмыцкий язык, как известно, входит в группу монгольских языков и вместе с ойратскими, халха-монгольским и бурятскими языками объединяется в северо-западный ареал монгольских языков. Обитая в Центрально-Азиатском регионе, предки калмыков вместе с другими ойратскими и иными монгольскими племенами издавна контактировали и взаимодействовали с жившими по соседству тюркскими и тунгусо-маньчжурскими народами. Ученые, занимавшиеся языками всех этих народов, давно заметили наличие определенного сходства как в грамматике, так и в лексике этих языков. Возникла теория о бывшем генетическом родстве этих языков, названная впоследствии алтайской.

Уже более 300 лет учеными разрабатывается гипотеза о родстве алтайских языков. Особенно большое количество сходных элементов обнаружилось между монгольскими и тюркскими языками, что указывает на их более тесную связь. Один из классиков алтаистики В. Л. Котвич установил, что между монгольскими и тюркскими языками оказалось около 50 % сходных элементов в грамматике и около 25 % в лексике [Котвич 1962: 351]. Такое большое сходство между монгольскими и тюркскими языками позволило в свое время выдвинуть предположение о существовании некогда единого общего тюрко-монгольского праязыка в составе алтайских языков. Однако, несмотря на выявленное сходство между тюркскими и монгольскими языками, эту гипотезу не удается подтвердить, как и всю алтайскую гипотезу в целом. Мнения ученых разделились: одни ученые, вслед за Г. И. Рамstedтом [Ramstedt 1957], ратуют за генетическое родство алтайских языков и все сходные элементы из их языков трактуют как развитие общеалтайских элементов. Другие же, вслед за В. Л. Котвичем, считают, что общие элементы между алтайскими языками возникли в результате многосторонних многовековых взаимных контактов. Несмотря на то что алтайская гипотеза разрабатывается давно, до сих пор нет ни только ее окончательного решения, но и полного списка всех соответствий между алтайскими языками, в том числе перечня лексических соответствий между монгольскими и тюркскими языками, чтобы можно было путем сравнительно-исторического и этимологического анализа установить, что, например, в монгольских языках, является собственным

лексическим фондом, а что следует отнести к тюркским заимствованиям и что, наконец, является общим тюрко-монгольским лексическим ядром. Поскольку эти гипотезы до сих пор не поддаются решению, вопрос о родстве алтайских языков, как и гипотеза о тюрко-монгольском праязыке и монголо-тюркских языковых контактах, пока не снят с повестки дня сравнительно-сопоставительного языкознания и до сих пор остается актуальным и имеющим большое научное значение для изучения истории формирования и развития монгольских и тюркских языков, а также других алтайских. В настоящее время созданы все условия для проведения этой работы, что связано прежде всего с публикацией наиболее полных словарей как по монгольским, так и тюркским языкам.

Учитывая актуальность и важность выявления общих тюрко-монгольских лексических элементов, мы пришли к выводу, что эту работу следует вести в рамках отдельных тематических групп лексики, отражающих важные стороны человеческой деятельности и окружающей природы, и анализ таких групп лексики рациональнее всего проводить по отдельным монгольским языкам, чтобы сделать потом обобщающие выводы, поэтому мы в данной работе решили ограничиться одним калмыцким языком и взять для анализа пока пласт флористической лексики. Калмыки, как известно, переселились на современную территорию обитания, на юге России, с просторов Центральной Азии и Джунгарии свыше 400 лет тому назад. За всю свою многовековую историю развития калмыцкий этнос сталкивался с разными народами, но при этом наибольшее влияние он испытал со стороны тюрков. За исторически обозримый период калмыки вместе с другими ойратскими и монгольскими племенами контактировали как с древними тюрками, так и с другими современными тюркскими народами, в число которых входили казахи, ногайцы и татары. Поэтому при выявлении тюрко-монгольских элементов ограничимся материалом из древнетюркского и современных казахского, ногайского и татарского языков: «Древнетюркский словарь» [1969], «Русско-казахский словарь» [1954], «Монгол-казах толь» [1984], «Ногайско-русский словарь» [1963], «Татарско-русский словарь» [2007]. Кроме того, привлекался материал из башкирского языка, как наиболее близкого к татарскому. Материал по башкирскому языку взят

из «Башкирско-русского словаря» [1996]. В целях установления этимологии и архетипов тюркских эквивалентов использовалась «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001].

Материалом послужила калмыцкая флористическая лексика, включающая названия дикорастущих и плодовых деревьев, кустарников и трав, огородных и бахчевых культур. При выборке калмыцкого языкового материала мы использовали «Калмыцко-русский словарь» [1977] и «Русско-калмыцкий словарь» [1964], а также «Калмыцкий словарь» Г. И. Рамстедта [1935]. В результате анализа калмыцкой флористической лексики удалось выявить следующие тюркские параллели.

Калм. *агч* 'клен' = тюрк.: ср. др.-тюрк. *йуаџ*, *йюаџ*, каз. *агаиш*, ног. *агаиш*, тат. *агач*, башк. *агас* 'дерево'. Со значением «клен» это слово представлено также в халха-монгольском *агч* и в старомонгольском письменном *ауџи* языках. На монгольской языковой почве оно не этимологизируется. Как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 104–105], это слово представлено во всех тюркских языках, причем в большинстве из них оно бытует в форме *ауаџ* со значением «дерево». Учитывая, что в древнетюркском языке есть слово *ї* 'растение', считается, что словоформа *йуаџ* образовалась от этого *ї* путем прибавления аффикса *-уаџ*, поэтому тюркский архетип восстанавливается в виде **ууаџ*, поэтому мы приходим к выводу, что данная калмыцко-тюркская параллель образовалась в результате заимствования слова из тюркских языков.

Калм. *анр*, *аньр* 'гранат' = тюрк.: ср. каз., тат., башк. *анар* 'гранат'. Это слово бытует еще в халха-монгольском языке — *анар* и в старомонгольском письменном языке — *анар* в том же значении. В монгольских языках это явно тюркское заимствование.

Калм. *айва* 'айва' = тюрк.: ср. каз., ног., тат., башк., *айва* 'айва'. С этим же значением это слово представлено почти во всех тюркских языках, о чем упоминается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 137–138]. Там же приводится тюркский архетип этого слова в виде **ајва*.

Калм. *альмн* 'яблоко; яблоня' = тюрк.: ср. др.-тюрк. *алма*, *алимла*, каз., ног., тат., башк. *алма* 'яблоко'. Это слово представлено и в других монгольских языках: х.-монг.

алим, бур. *альма*, стп.-монг. *алим-а*. Как утверждается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 145], данное слово в форме *алма* со значением «яблоко» представлено почти во всех тюркских языках. Здесь же, сопоставляя это тюркское слово с монгольскими словоформами, говорится о различных вариантах его этимологии и приводится его тюркский архетип **алма*.

Калм. *өрг* 'косточковая культура (абрикос, слива и т. п.)', *хар өрг* 'слива, чернослив', *шар өрг* 'абрикос', *нооста өрг* 'персик' = тюрк.: ср. др.-тюрк. *erük* 'слива; косточковый плод вообще (слива, урюк и т. п.)', *qara erük* 'слива, чернослив', *saryu erük* 'абрикос', каз. *өрік* 'урюк', *qара өрік* 'слива, чернослив', тат. *өрек*, башк. *өрөк* 'урюк, абрикос'. Как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 137], это слово в форме *erük*, *erik*, *örük*, *örök*, *ürük* со значениями «косточковый плод (слива, абрикос и т. д.); абрикос; персик; алыча; урюк; слива» имеется почти во всех тюркских языках. Его тюркская праформа дается здесь как **ürük* и считается производной от тюркского глагола *ür* = 'дуть, вдувать; вздуть, выдувать'.

Калм. *шавдл* 'персик' = тюрк.: ср. каз. *шапдалы*, ног. *шапдал*, башк. *шавталы* 'персик'.

Калм. *чи* [*чии*] 'вишня' = тюрк.: ср. каз., ног., *шие*, тат. *чия*, башк. *сейә* 'вишня'. Это слово представлено и в других монгольских языках: х.-монг. *чий*, стп.-монг. *ċiy* 'вишня степная'. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 138], это слово бытует во многих тюркских языках с основным значением «вишня». Здесь же утверждается, что монгольские названия вишни заимствованы из тюркских языков. Как видно из материала, калмыцкая огласовка этого слова совпадает с монгольской и говорит о том, что название вишни в калмыцком языке сохраняется с тех времен, когда предки калмыков жили по соседству с монголами.

Калм. *инжшир* 'инжир' = тюрк.: ср. каз. *инжир*, тат. *инжир* 'смоква, финик, инжир'.

Калм. *хурм* 'хурма', *хурмн* 'финик' = тюрк.: ср. каз. *қурма* 'хурма', ног. *хурма*, тат., башк. *хөрмә* 'финик; хурма'.

Калм. *илм* [*илме*] 'тутовое дерево, тутовник, шелковица' = тюрк.: ср. ног. *элмен* 'осина', тат. *эlmә* 'ильм'.

Калм. *яңғ* ‘грецкий орех’ = тюрк.: др.-тюрк. *уауақ*, каз. *жаңғақ* ‘орех’. Как указывает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 112], это слово имеется в ряде древних, средневековых и современных тюркских языков в виде *уауақ* (древнетюркский), *уауак* (чагатайский, староосманский), *жауақ* (казахский и кара-калпакский), *жауақ* (киргизский), *жоуоқ* (узбекский), *жоуақ* (уйгурский) со значениями «орех» в древнетюркском, чагатайском, староосманском и узбекском языках, «грецкий орех» в древнетюркском, кара-калпакском, казахском, киргизском, узбекском и уйгурском языках. Здесь же приводится праформа этого тюркского слова в виде **уауа:q*.

Калм. *жүкн*, *жөкн* ‘вяз’ = тюрк.: ср. каз. *жөке*, ног. *йюьке*, тат. *юкә*, башк. *йүкә* ‘липа’. По утверждению авторов монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 128–129], это слово бытует во многих тюркских языках в форме *жөге*, *jöge*, *чөге*, *чөкә*, *жөкө*, *жөке*, *жүкә*, *жүкә*, *жүгә*, *жүкә*, *сәкә* со значением «липа», а его праформа восстанавливается в виде **жөке*.

Калм. *арц* ‘арча, можжевельник; кипарис’ = тюрк.: каз. *арша*, тат. *арча* ‘можжевельник древовидный, арча’, башк. *арса* ‘вереск’. Это слово есть и в других монгольских языках: х.-монг. *арц*, стп.-монг. *arča* ‘можжевельник’, бур. *арса* ‘можжевельник; вереск’. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 129], данное слово представлено в девяти тюркских языках со значениями «можжевельник древовидный, арча; можжевельник сибирский; можжевельник зеравшанский; ёлка, туя; вереск; дерево из породы хвойных». Здесь поддерживается мнение Г. И. Рамstedта [1935: 15] об образовании тюркского **arča* от тюркского глагола *ary* = ‘становиться чистым, очищаться’ при помощи аффикса *-ča*, что дает в результате **aryča* > *arča*, то есть «средство для очищения». Из тюркских языков эта лексема проникла в монгольские языки и в калмыцком языке сохраняется с того времени, когда предки калмыков ойраты жили по соседству с монголами и с древними тюрками.

Калм. *харһа* [*харһаа*], *шар харһа* ‘сосна’ = тюрк.: ср. каз. *қарағай* ‘сосна; лиственница’, тат. *карагай*, башк. *қарағас* ‘лиственница’, ног. *карагай*, башк. *карагай* ‘сосна’. Это слово бытует также в халха-монголь-

ском языке — *харгай* и старомонгольском письменном — *qarγai* ‘лиственница сибирская’. Как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 133], оно имеется в тринадцати тюркских языках в виде *қарагай*, *харагай*, *қаригай* с основным значением «сосна», есть также в некоторых тюркских языках и значение «лиственница; ель; еловый лес; хвойный». Авторы этой грамматики поддерживают мнение, что это тюркское слово заимствовано из монгольских языков.

Калм. *долаңк* ‘боярышник’ = тюрк.: ср. каз. *долана*, тат. *дүләңә*, *дулана*, *тулана*, башк. *дунала* ‘боярышник’, ног. *тулан* ‘мох’. Это слово имеется и в монгольских языках: х.-монг. *долоно*, стп.-монг. *doluni* ‘боярышник остроконечный японский’, х.-монг. *долоогоно*, стп.-монг. *doluyuna* ‘крово-красный боярышник’, бур. *долоогоно* ‘боярышник’. Как утверждается «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков...» [2001: 123–124], это слово бытует во многих тюркских языках в формах *дүләңә*, *дулана*, *тулана*, *дунала*, *долана*, *долоно*, *толоно*, *долуна*, *долуна*, *толана*, *долагана*, *долоогоно*, *долукуна*, *долооно* с основным значением «боярышник». В единичных тюркских языках имеются также значения «шиповник», «мох». Авторы грамматики считают, что тюркская лексема монгольского происхождения.

Калм. *тәвлһ* ‘таволга’ = тюрк.: ср. др.-тюрк. *tabylqu*, *tavylqu*, *tavylquç*, каз. *табылғы*, ног. *табылғы*, тат. *тубылғы* ‘таволга’. Это слово имеется в монгольских языках: х.-монг. *тавилга*, *тавилгана*, стп.-монг. *tabilyana* ‘таволга’. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 133–134], это слово широко представлено в тюркских языках в этом же виде и с этим же значением, а его архетип восстанавливается в виде **tabyqu*.

Калм. *жигд* [*жигде*] ‘лох’ = тюрк.: ср. тат. *жидә* ‘лох’.

Калм. *бөөлжрһн* ‘малина’, *укр бөөлжрһн* ‘ежевика’, *хөн бөөлжрһн* ‘рябина’ = тюрк. ср.: каз. *бүлдірген* ‘малина’, *қара бүлдірген* ‘ежевика’, ног. *боьлдирген*, *буьлдирген* ‘ежевика’, тат. *бөрлегән* ‘костяника’, башк. *кызыл бөрлөгән* ‘костяника’, *кара бөрлөгән* ‘ежевика’. Словоформа, сходная с калмыцкой, представлена также в халха-монгольском — *бөлжиргөнө* и старомонгольском письменном — *böljirgen-e* языках со значением «малина». Эта словоформа, подоб-

ная калмыцкой и монгольской, бытует еще, кроме казахского и ногайского языков, в киргизском — *булдуркөн* и уйгурском — *болж(р)ган* со значением «ежевика» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 139]. В киргизском это еще «земляника» и «костяника». Авторы данной грамматики воссоздают архетип этого тюркского слова в виде **böldirgen* и возводят к тюркскому глаголу **böldir-* + аффикс *-gen*. Значение глагола остается неизвестным, поэтому этимология слова неясна, хотя структура этого слова явно тюркская. Поскольку это слово есть еще в монгольском языке, то очевидно, что в калмыцком языке оно бытует давно, еще с тех времен, когда предки калмыков жили рядом с монголами в Центральной Азии. Появление в монгольских языках согласного *ж* (*j*) на месте тюркского *д* (*d*) объясняется закономерностью перехода слога **di* в *ji*, регулярно действовавшей в истории монгольских языков на ранних этапах их развития, особенно это происходило при адаптации тюркских заимствований.

Калм. *шитлг* ‘лесной орех, лещина’ = тюрк.: ср. ног. *шетлевик* ‘фундук, лесной орех, лещина’, тат., *чикләвек*, башк. *сәтләүеге* ‘орех’. Это слово, кроме ногайского, татарского и башкирского языков, бытует еще в карачаево-балкарском — *чөртлевүк* и кумыкском — *чөртлевүк* языках со значением «лесной орех, лещина» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 112–113]. Здесь же авторы грамматики дают праформу этого слова в виде **čertlewük* и производят ее от тюркского звукоподражательного глагола **čertle-* ‘трещать, лопаться’.

Калм. *үзм* ‘изюм’, *уста үзм* ‘виноград’ = тюрк.: др.-тюрк. *üzüm* ‘изюм’, каз. *жузім*, тат. *йөзем*, башк. *йөзөм* ‘виноград, изюм’, ног. *юзим* ‘виноград; виноградник’. Это слово также бытует в других монгольских языках: х.-монг. *үзем*, стп.-монг. *üjüm*, бур. *үзем* ‘виноград, изюм’. Это слово представлено почти во всех тюркских языках в форме *үзүм*, *изим*, *өзүм*, *үжүм*, *өжүм*, *юзюм*, *юзим*, *ёзем*, *жузіюм*, *жузім* и т. п. со значением «виноград, изюм». Говоря об этом, Э. В. Севортян сопоставляет это тюркское слово с монгольским *үзем* ‘виноград, изюм’ [Севортян 1974: 625].

Калм. *бур* [*буре*] ‘ветка с листьями; венчик цветка’ = тюрк.: др.-тюрк. *bür*, тат. *бөре* ‘почка (у растения)’, башк. *бөрө*, ног. *буьр*

‘почка, бутон’, каз. *буршик* ‘почка’. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 114–115], это слово со значением «почка у растения» представлено в ряде тюркских языков в виде *bür*, *pür*, *bürü*, *börö*, а его архетип восстанавливается в виде **bürü*. В некоторых тюркских языках бытуют его производные в форме *bürčük*, *pürčük*, *büršik*, *börček*, *börčök*. В алтайском языке слово *bür*, кроме значения «почка», означает еще «ветка» и «лист».

Калм. *цэцг* ‘цветок’ = тюрк.: др.-тюрк. *čečäk* ‘цветок; соцветие, метелка’, каз. *шешек* ‘оспа’, ног. *шешек* ‘оспа’, *шешекей* ‘цветок’, тат. *чәчәк* ‘цветок; оспа’, башк. *сәсәк* ‘оспа’, башк. *сәскә* ‘цветок’. Это слово представлено и в монгольских языках: х.-монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг* ‘цветок; оспа’, стп.-монг. *čečeg* ‘цветок; оспа’. Как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 120], это слово представлено практически во всех тюркских языках со значением «цветок» и «оспа». Авторы этой грамматики дают праформу данного слова в виде **čeček* и возводят его этимологию к тюркскому глаголу **čeč-* ‘сеять, разбрасывать’ (ср. др.-тюрк. *čeč-* ‘рассеиваться, распространяться’). Калмыцкий язык сохранил это слово со времен общемонгольского состояния.

Калм. *земш*, *зер-земш* ‘плод, плоды; фрукты; ягоды’ = тюрк.: др.-тюрк. *jemiš*, каз. *жемис*, ног. *емис*, тат. *жәмеш* ‘фрукт, плод’, башк. *емеш* ‘плод, фрукт, ягода’. Это слово есть также в других монгольских языках: х.-монг. *жимс*, стп.-монг. *jimis*, бур. *жэмэс* ‘плоды, плод, фрукты, ягоды, ягода’. Это слово есть во многих тюркских языках в форме *jemiš*, *žemiš*, *žemis*, *jemis*, *žemeš*, *nimis*, *čimis* везде со значением «плод, фрукт; ягода, ягоды; еда, кушанье; плоды, результаты» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 114]. Здесь же дается праформа этого слова в виде **jemiš*, которую производят от общетюркского глагола **je-* ‘есть, кушать’. В калмыцком языке это слово сохраняется от общемонгольского состояния.

Кроме названий деревьев, как дикорастущих, так и плодовых (культурных), а также кустарников, дикорастущих и культурных, тюркские параллели можно выявить также в названиях бахчевых, огородных и зерновых культур.

Калм. *тарвас* ‘арбуз’ = тюрк.: каз. *қарбыз*, ног. *карбыз*, тат. *қарбыз*, башк. *карбуз* ‘арбуз’. Это слово есть и в других монгольских языках: х.-монг. *тарвас*, стп.-монг. *tarbus* ‘арбуз’. Как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 138], эта лексема представлена во многих тюркских языках в виде *qarbus*, *ħarbus*, *karpuz*, *garpyz*, *qarpyz*, *harbus*, *harpuz*, *harbyz*, *harbus*, *qarbyz*, *qarbus*, *darbyz*, *tarvuz*, *ta(r)vuz* со значением «арбуз» и в единичных случаях «круглый предмет, шар». Далее в этой грамматике говорится: «Среди отражений архетипа **ħarbus* примечательны три: кирг. *darbyz*, узб. *tarvuz*, уйг. *ta(r)vuz* (*tarvuz* — *ta:vuz*). Лексемы с начальным *t-/d-* встречаются только в языках Средней Азии, контактировавших с языками монголов-ойрат, ср. „арбуз” в халха-монг. *tarvas*, калм. *tarvas* [*tarvys*], иными словами, исконное *ħ-* на монгольской почве стало *t-/d-*... *ħ- > t-/d-*. Та же лексема с начальными *t-/d-* была усвоена у монгол-ойратов тремя тюркскими языками. В этом отношении три названные формы в цепочке тюркских наименований арбуза являются монголизмами, хотя и тюркскими по происхождению» [Там же: 138]. Авторы грамматики считают, что название арбуза пришло в тюркские языки из иранских языков.

Калм. *хаваг* ‘тыква’ = тюрк.: др.-тюрк. *qabaq* ‘тыква’, каз. *қабақ*, ног., тат. *кабак*, башк. *кабак* ‘тыква’. Это слово распространено во многих тюркских языках в форме *qabaq* и *kabak*, *gabag*, *qaraq*, *qovoq* со значением «тыква», в уйгурском это «тыквенная бутылка» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 143]. Авторы грамматики дают архетип этого слова в виде **qa:baq*.

Калм. *хаяр* ‘огурец’ = тюрк.: каз. *қыяр*, ног., тат. *кыяр*, башк. *кыяр*. В соответствии со «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков...» [2001: 142], это слово представлено в ряде тюркских языков в форме *хуяр*, *хуяр*, *хуя:r*, *quyar* со значением «огурец». Здесь же приведен архетип этого слова в виде **hija:r* и предполагается ее иранское происхождение.

Калм. *шалхг*, *цаһан шалхг* (дербетское) ‘репа’ = тюрк.: каз. *шалқан*, тат. *шалкан*, башк. *шалкан* ‘репа’.

Калм. *шүглдүр* ‘морковь’ = тюрк.: тат. *чөгендер*, башк. *сөгөлдөр* ‘свекла’.

Калм. *зарм* (дербетское) ‘просо; крупа’, *бор зарм* ‘гречиха’, *севг зарм* ‘чечевица’,

цаһан зарм ‘рис’ = тюрк.: др.-тюрк. *jarma*, каз. *жарма*, ног. *ярма*, тат. *ярма*, башк. *ярма* ‘крупа’. Это слово восходит к общетюркскому глаголу **jar-* (ср. др.-тюрк. *jar-* ‘рассекать, расщеплять’) в его джекающей форме, т. е. **žar-*. Его производное *jarma* ~ *žarma* первоначально означало ‘нечто расщепленное, расколотое, т. е. крупа’. Это слово есть в других монгольских языках: х.-монг. *зарам* ‘отруби, высебки’, стп.-монг. *jar-m-a* ‘овсяная крупа, отруби, высебки’. Это явно тюркское слово предки калмыков вместе с монголами заимствовали у тюрков и сохранили в своем языке со времен монголо-ойратского состояния.

Калм. *арва* (дербетское) ‘овес’ = тюрк.: др.-тюрк. *arpa*, каз., ног. тат. башк. *арпа* ‘ячмень’. Это слово хорошо представлено во многих тюркских языках в основном в единой словоформе *arpa*, и в единичных случаях *arba*, *arbai* ‘крупа’, причем во всех языках это ‘ячмень’ и лишь в единичных случаях это ‘пшеница с маленьким колосом’, ‘рожь’, ‘ячмень на глазу’ [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 460–461]. Авторы грамматики приводят архетип этого тюркского слова в форме **arpa*. Наличие этого слова в монгольских языках: х.-монг. *арвай*, бур. *арбай*, стп.-монг. *arbai* ‘ячмень’, а также в маньчжурском языке — *arfa* ‘овес; ячмень’, указывает на то, что это слово, по мнению авторов грамматики, можно трактовать либо как тюркизм, либо как заимствование из иранских языков в тюркские. Однако сами авторы склоняются к мысли, что это тюрко-монгольское слово гомогенно по происхождению и называется один из древнейших злаков, с которым сталкивались тюрко-монгольские племена — жители степей Центральной Азии.

Калм. *суль* ‘овес’ = тюрк.: каз. *сұлы*, ног. *сулы*, тат. *солы*, башк. *һоло* ‘овес’. Это слово есть в монгольском языке: х.-монг. *суль*, стп.-монг. *suli*, ‘степной ковыль, тимурия’. Это слово бытует в ряде современных тюркских языков в форме *suly*, *sula*, *sulu*, *soly*, *holo*, *süle* везде с одним значением «овес» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 464]. Авторы грамматики дают архетип этого тюркского слова в виде **suly*. Этимология не ясна.

Калм. *бурчг*, *бурцг* ‘горох’ = тюрк.: ср. каз. *бұршақ*, ног. *буршак*, тат. *борчак*, башк. *борсак* ‘горох’.

Калм. *буудя* ‘зерно’, *цаһан буудя* ‘пшеница’ = тюрк.: др.-тюрк. *buydaj*, каз. *бидай*,

ног. *бийдай*, тат. *бодай*, башк. *бойзай* 'пшеница'. Это слово есть в монгольских языках: х.-монг. *буудай*, стп.-монг. *буудай* 'пшеница'. Оно представлено почти во всех тюркских языках в форме *buydaj*, *boydaj*, *bodaj*, *budaj*, *bu:daj*, *puydaj*, *pu:daj* и т. п. со значением «пшеница» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков... 2001: 461–464]. Там же это тюркское слово сопоставляется с стп.-монг. *буудай*, приводятся варианты этимологии и дается его тюркская праформа в виде **bodayaj* 'пшеница'.

Калм. *тэрэн* 'хлеб, хлеба; зерно; посев' (< *тэрх* 'сеять, засеивать; сажать, высаживать'), *хар тэрэн* 'рожь' = тюрк.: др.-тюрк. *tariy*, каз., ног. *тары* 'просо'. Это слово есть в монгольских языках: х.-монг. *тариа(н)*, стп.-монг. *tarijan* 'хлеб, зерно; урожай', бур. *таряа(н)* 'хлеб, хлеба; зерно; сев' (< *tar i* = 'сеять; сажать; возделывать землю'). Его архетип восстанавливается в виде *tarijan* < **tariyan* < **tariyan*, где **tariy* — корневая основа, а *-an* — аффикс. Эта монгольская корневая основа **tariy* по форме полностью соответствует древнетюркской словоформе *tariy* 'зерно, злаки, хлеб; просо; земледелие, земледелие', образованной при помощи тюркского словообразовательного аффикса *-y* от древнетюркского же глагола *tari* = 'сеять, засеивать' и, скорее всего, является тюркским заимствованием в монгольском языке. Ср. также устаревшее старомонгольское слово *tariy*, х.-монг. *тариг* 'хлеб; посев', которое явно восходит к тюркскому оригиналу. Калмыцкая словоформа *тэрэн* (реально произносится *тэрээн*) закономерно образовалась от архаичного *tarijan*, зафиксированного в старомонгольском письменном языке, в результате опереднения гласного *-a-* под влиянием *-i-*. Это слово в форме *taryu*, *tary*, *dary*, *taru:*, *tara:n*, *tara:*, *tariq* и т. п. со значениями «просо; хлеба, злаки, зерно; возделанная пашня, нива» бытует во многих тюркских языках и восходит к древнему тюркскому глаголу **tary* = 'пахать, возделывать землю; сеять; сажать огород' [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 456–458]. Его тюркский архетип дается в виде **taryu* [Там же: 456]. Авторы данной грамматики приводят различные мнения о происхождении производящего глагола [Там же: 465–467] и этой тюрко-монгольской словоформы.

Калм. *тутурпан* 'рис' = тюрк.: ср. др.-тюрк. *tuturqan*, *tutturqan* 'рис'. Ср. стп.-монг. *tuturyan*, х.-монг. *тутурпа* 'рис'.

Калм. *сэрмес* 'чеснок' = тюрк.: др.-тюрк. *samursaq*, *sarmusaq*, каз. *сарымсақ*, ног., тат. *сарымсақ*, башк. *һарымһаҡ* 'чеснок'. Это слово есть в монгольских языках: х.-монг. *саримсаг*, стп.-монг. *sarimsay* 'чеснок'. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 144], словоформа *сарымсақ* почти без изменения внешней формы широко представлена в тюркских языках в одном значении «чеснок». Ее производят от тюркского **sarymsy* 'желтоватый' и устанавливают архетип в виде **sarymsaq*.

Калм. *кендр* 'конопля' = тюрк.: ср. др.-тюрк. *kendir*, каз. *кендір*, ног. *кендир*, тат., башк. *кандер* 'конопля'. Как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 127–128], это слово широко представлено в тюркских языках в этом же виде со значениями по разным языкам «конопля, кендырь; холст, холстина; веревка, шпагат; пряжа, кудель; лен; крапива» с архетипом **kendir*.

Тюркские параллели встречаются и среди названий некоторых трав.

Калм. *балчирһн* 'борщевик' = тюрк.: ср. каз. *балдырган*, ног., тат. *балтырган*, башк. *балтырган* 'борщевик'. Это слово имеется и в других монгольских языках: х.-монг. *балдаргана*, *балчиргана*, бур. *балшаргана*, стп.-монг. *baldaryan-a*, *balčiryān-a* 'борщевик'. Как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков...» [2001: 122–123], данная лексема представлена почти во всех тюркских языках с этим же значением. Авторы грамматики восстанавливают ее архетип в виде **baltyr-yan*. При адаптации тюркских слов монгольскими языками наблюдается закономерность слогов **ti~ti* > **ti* > *či* [Рассадин 1982: 75], поэтому вместо тюркского *baltiryān* появилось монгольское *balčiryān-a*.

Калм. *кааг* 'темно-зеленая трава, которую любят лошади' [Ramstedt 1935: 222] = тюрк.: ног. *кыяк пишен* 'луговое сено', тат. *кыяк* 'вострец; перо лука порея', башк. *кыйаҡ* 'пырей'. Это слово есть и в других монгольских языках: х.-монг. *хиаг* 'вострец', бур. *хяаг* 'пырей', стп.-монг. *kijay* (< **qijay*) 'кормовая трава типа пырея'. Г. И. Рамстедт [Там же] возводил калмыцкое слово к тюркскому *qujaq*. По утверждению Э. В. Севортяна [1974: 201], это слово широко представлено в тюркских языках и восходит к общетюркскому глаголу *qij* =

‘резать наискось’, поскольку пырей — это злаковое растение с режущими краями. Его тюркский архетип — *қыяқ*.

Калм. *хамхул* ‘перекати-поле’ = тюрк.: ср. др.-тюрк. *qatyaq* ‘одно из группы растений, известных под общим названием перекати-поле’, каз. *қаңбақ*, ног. *камбак*, башк. *камгак* ‘перекати-поле’. Это слово есть и в других монгольских языках: х.-монг., бур. *хамхуул*, стп.-монг. *Qatqayul* ‘перекати-поле’.

Как можно видеть из приведенного выше исследования, в калмыцком языке представлено довольно заметное количество тюрко-монгольских параллелей среди названий деревьев (дикорастущих и культурных), среди названий кустарников, тоже как дикорастущих, так и культурных, а также среди названий злаков, бахчевых и огородных растений и трав. Некоторые из них представлены и в других монгольских языках, так как бытуют в калмыцком языке еще с тех времен, когда предки калмыков жили в степях Центральной Азии рядом с монголами. С другими же растениями калмыки познакомились уже на своей новой родине, переняв их вместе с названиями у соседних тюрков, с которыми контактировали.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а(м).

Условные сокращения

башк. — башкирский
 бур. — бурятский
 др.-тюрк. — древнетюркский
 каз. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кирг. — киргизский
 ног. — ногойский
 стп.-монг. — старописьменный монгольский
 тат. — татарский
 тюрк. — тюркский
 узб. — узбекский
 х.-монг. — халха-монгольский

Литература

Башкирско-русский словарь. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 884 с.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. I / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 486 с.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. II / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 507 с.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. III / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 438 с.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2002. Т. IV / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 506 с.

Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Рес. тип., 2010. Т. I. 636 с.

Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Рес. тип., 2010. Т. II. 708 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
 Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.

Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 373 с.

Ногайско-русский словарь. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 562 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Русско-казахский словарь. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 935 с.

Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.

Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Алма-Лит., 2007. Т. 1. 726 с.

Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. 726 с.

Монгол-казах толь. Улаанбаатар: Өлгий, 1984. 885 х.

Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.

Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». М.: ИНДРИК, 2000. 265 с.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 591 s.

References

Bashkirsko-russkij slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, Digora Publ., Rus. jaz. Publ., 1996, 884 p. (In Russ.).

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V chetyreh tomah. Tom I. Pod red.

- G. Ts. Pjurbeeva [Large academic Mongolian-Russian dictionary. In four volumes. Volume I. Edited by G. C. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001, 486 p. (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V chetyreh tomah. Tom II. Pod red. G. Ts. Pjurbeeva* [Large academic Mongolian-Russian dictionary. In four volumes. Volume II. Edited by G. Ts. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001, 507 p. (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V chetyreh tomah. Tom III. Θ – F. pod red. G. Ts. Pjurbeeva* [Large academic Mongolian-Russian dictionary. In four volumes. Volume III. Θ - F. Edited by G. Ts. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001. 438 p. (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V chetyreh tomah. Tom IV. Pod red. G. C. Pjurbeeva* [Large academic Mongolian-Russian dictionary. In four volumes. Volume III. Edited by G. Ts. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2002, 506 p. (In Russ.).
- Burjatsko-russkij slovar'. V dvuh tomah. T. I. A-N* [Buryat-Russian dictionary. In two volumes. T. I. A–N.]. Ulan-Ude, «Respublikanskaja tipografija» Publ., 2010. 636 p. (In Russ.).
- Burjatsko-russkij slovar'. V dvuh tomah. T. II* [Buryat-Russian dictionary. In two volumes. T. II.]. Ulan-Ude, «Respublikanskaja tipografija» Publ., 2010, 708 p. (In Russ.).
- Drevnetjurkskij slovar'* [The Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p. (In Russ.).
- Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «K»*. [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Ending with Letter “K”]. Moscow, INDRIK, 2000, 265 p. (In Russ.).
- Kalmycko-russkij slovar'* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, «Russkij jazyk» Publ., 1977, 765 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. *Issledovanija po altajskim jazykam .per. s pol'sk* [Studies on the Altaic languages. Tr. from Polish]. Moscow, Foreign Languages Publ. House, 1962, 373 p. (In Russ.).
- Mongol-kazah tol'* [Mongolian-Kazakh dictionary]. Ulaanbaatar, Өlgij, 1984, 885 h. (In Mongolian).
- Nogajsko-russkij slovar'* [The Nogai-Russian Dictionary]. Moscow, Publ. House of foreign and national dictionaries, 1963, 562 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I. *Očerki po istoričeskoj fonetike burjatskogo jazyka* [Essays on the historical phonetics of the Buryat language]. Moscow, Nauka Publ., 199 p. (In Russ.).
- Russko-kazahskij slovar'* [Russian-Kazakh dictionary]. Moscow, Publ. House of foreign and national dictionaries, 1954, 935 p. (In Russ.).
- Russko-kalmyckij slovar'*. [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow, «Sovetskaja jenciklopedija» Publ., 1964, 803 p. (In Russ.).
- Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 882 p. (In Russ.).
- Tatarsko-russkij slovar': v 2 tomah. T. 1* [Tatar-Russian dictionary: in 2 volumes. Vol. 1 (A–L)]. Kazan', Alma-Lit. Publ., 2007, 726 p. (In Russ.).
- Tatarsko-russkij slovar': v 2 tomah. T. 2* [Tatar-Russian dictionary: in 2 volumes. Vol. 1 (A–L)]. Kazan', Magarif Publ., 2007, 726 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altajskoe jazykoznanie. Morfologija. per. s nem.* [Introduction to Altai linguistics. Morphology]. Tr. from German. Moscow, Foreign Languages Publ. House, 1957, 254 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935, 591 p. (In German).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Ending with Vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p. (In Russ.).

**ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**Виктория Васильевна Куканова¹, Валерий Менкенович Трофимов²¹ кандидат филологических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.ru² студент 3-го курса зарубежной филологии (китайский язык и литература) Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: menke_menke@mail.ru

Аннотация. В статье на материале калмыцкого языка с привлечением в необходимых случаях халха-монгольского, бурятского и старописьменного монгольского языков рассматривается тематическая группа флористической лексики на предмет выявления тюрко-монгольских параллелей. Для анализа были взяты названия деревьев, как дикорастущих, так и культурных, названия кустарников, тоже дикорастущих и культурных, названия бахчевых и огородных культур, злаков и трав. Для большей убедительности, что приводимая тюркская параллель имеет именно тюркский характер, тюркский материал был взят из «Древнетюркского словаря», а также из словарей казахского, ногойского, татарского и башкирского языков, как языков ближайших соседей калмыков, с которыми они контактировали. Рассмотренные термины, помимо сравнительного материала из монгольских и тюркских языков, сопровождалась также сравнительно-историческим и этимологическим анализами, в результате которых выявилось тюркское происхождение установленных тюрко-монгольских параллелей в составе флористической лексики калмыцкого языка. При этом установлено, что ряд терминов, помимо калмыцкого языка, бытует также в халха-монгольском, бурятском языках и зафиксирован в старописьменном монгольском языке. Это говорит о том, что данные термины сохраняются в калмыцком языке еще с тех пор, когда предки калмыков — ойраты жили в степях Центральной Азии вместе с монголами и контактировали с древними тюрками, от которых заимствовали эти термины. Многие флористические термины представлены только в калмыцком языке и совпадают с таковыми в казахском, ногойском, татарском и башкирском языках, поскольку заимствованы калмыками их этих языков в результате поздних контактов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, древнетюркский язык, казахский язык, ногойский язык, татарский язык, башкирский язык, языковые контакты, заимствования, флористическая лексика.